

KAPITEL 10 / CHAPTER 10¹⁰**FORMATION OF "NEW NORMALITY" OF THE WORLD SYSTEM: RISKS AND CHALLENGES OF RUSSIA***СТАНОВЛЕНИЕ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» МИРОСИСТЕМЫ: РИСКИ И ВЫЗОВЫ РОССИИ***DOI: 10.30890/2709-2313.2022-08-03-004****Введение**

Проблематика рисков в современном обществе давно и плодотворно разрабатывается рискологией – междисциплинарным направлением, образуемым социологией, экологией, правом, глобалистикой и другими отраслями знания. В зависимости от источников и ареалов распространения классифицируют следующие типы рисков: 1) социогенные, порождаемые общественными процессами; 2) средовые, вызываемые природной средой; 3) геополитические, обусловленные динамикой пространственных факторов; 4) идеологические, формируемые соперничеством тех или иных идейных систем, воззрений и ценностей.

С нашей точки зрения, категория «риск» и соотносимые с ней категории «угроза», «уязвимость» и «вызов» являются видовыми по отношению к базовой категории «опасность», означающей объективно существующую возможность нанесения урона личности, обществу и государству со стороны внутренних и внешних сил, в результате воздействия факторов естественного происхождения. Риск – возможная опасность, ситуация с неопределенным исходом и вероятными негативными последствиями. Угроза – конкретное и непосредственное проявление опасности, выражающейся в явном намерении, способности и готовности одной из противоборствующих сторон нанести урон оппоненту. Уязвимость – восприимчивость, незащищенность личности, общества и государства к воздействию источников риска, способная послужить причиной негативных последствий. Вызов – совокупность обстоятельств, в отличие от угроз играющих не только деструктивную, но и конструктивную роль в социально-экономической и политической жизни личности, общества и государства, требующих реакции на исходящие от них импульсы.

Этот терминологический ряд образует методологическую базу анализа рискогенности политических процессов и практик нынешнего состояния глобальной среды, ключевой тенденцией которой является снижение порога конфликтности как внутри современных обществ, так и в межгосударственных

¹⁰ *Authors: Homeleva R. A., Mokhorov G. A., Sirota N. M.*

отношениях.

Основной текст

Понятие «общество риска» было введено немецким социологом У.Беком [1] для описания современных обществ, вошедших в стадию позднего или высокого модерна, когда создание материальных и социальных благ сопровождается воспроизводством угроз, опасностей и рисков. Развивая свои взгляды на усложняющуюся природу рисков, У.Бек впоследствии предложил новаторскую теорию «мирового общества риска», обосновывающую необходимость консолидации мирового сообщества для выявления и профилактики глобальных рисков, планетарной ответственности государств в решении главной задачи человечества – обеспечения безопасности граждан [2].

В России, где незавершенная фаза простой модернизации осложнена процессами демодернизации, исследованием особенностей «общества риска» занимаются О.Н.Яницкий [3], Е.Ш.Гонтмахер и Н.В.Загладин[4], Ю.А.Зубок и В.И.Чупров [5], С.А.Кравченко [6], А.В.Мозговая и Е.В.Шлыкова [7] П.М.Козырева П. М. и А.И.Смирнов[8] и др.

Отнесение отечественными исследователями к современному российскому обществу заимствованного у У.Бека и А.Гидденса термина «общество риска», применимого к развитым европейским странам, на наш взгляд, ограниченно отражает его нынешнее состояние и прежде всего глубину противоречий формирующегося переходного социума, в котором риск становится постоянным и перманентным явлением, приобретающим системный характер.

В статье акцентируется внимание на анализе особенностей рисков современного этапа развития российского общества в контексте становления «новой нормальности» глобальной миросистемы При освещении исследуемой проблематике мы исходим из трактовки российского общества риска как сформировавшегося на основе углубления кризиса специфического способа организации социальных связей, взаимодействия и взаимоотношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека. приобретает не социальной направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска [9, с.300-302].

Одной из важнейших характеристик формирующейся «новой нормальности» глобальной миросистемы является нарастающая турбулентность, вызываемая комплексом взаимосвязанных причин — обостряющимся геополитическим соперничеством США и Китая, кризисом в

российско-американских отношениях, разнонаправленностью действий множества акторов, учащающимися социальными и международными конфликтами, ситуациями хаоса и неопределенности, мировоззренческими противостояниями, распространением настроений растерянности и тревоги, усугубленных угрозой пандемии коронавируса здоровью и жизни людей. Мир становится все менее предсказуемым и более поляризуемым по линии противоборства демократии с авторитаризмом. Нынешнее состояние международной среды чревато рисками разрушительных столкновений и требует новых подходов для преодоления напряженности.

Слово «турбулентность» происходит от лат. *turbulentus*, означающего «бурный хаотичный, неупорядоченный». Его использование указывает на преобладание нелинейных процессов, непредсказуемость событий, нарушения порядка и резкую смену трендов. Слово отражает не только названные объективные деструктивные реалии, но и субъективные (массовый характер настроений безысходности, потери ориентиров, отсутствие видимых путей преодоления бедствий).

Наступление эры глобальной турбулентности прогнозировалось известным американским учёным Дж. Розенау в канун распада СССР. В книге «Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность» он предпринял попытку обоснования тезиса, согласно которому в силу действия совокупности разных факторов, порождающих кардинальные сдвиги, миропорядок оказывается в состоянии высокой напряженности. Особенность современной мировой политики, согласно Дж.Розенау, состоит в ее переходности, когда сложившиеся правила игры еще не перестали действовать, а новые еще не начали функционировать в полной мере. Результатом этого процесса является вхождение мировой политики в зону турбулентности [10].

В настоящее время трудно предвидеть, в каком направлении будут развиваться события – становления и укрепления нового миропорядка, основывающегося на демократических началах и исключаящего любую гегемонию, или функционирования неустойчивого мироустройства, порождающего всеобъемлющее чувство неуверенности в перспективах мирового развития. От целенаправленных усилий народов и государств по формированию стабильной международной среды, предотвращению глобального беспорядка во многом зависит будущее человечества.

В контексте усиления глобальной турбуленции и стремительного нарастания конфликтного потенциала российское общество и государство не гарантированы от вступления в период нестабильности, кризисов

и потрясений, порождающих многочисленные вызовы и угрозы. Последствия их развертывания могут иметь катастрофический характер для страны, включая и возможность разрушения государственности. Ситуацию усугубляет внешняя напряженная обстановка, создаваемая социально-экономическим и политическим давлением со стороны ведущих стран мира.

Действующие в России факторы дестабилизации, порождающие риски, могут быть сгруппированы в следующие кластеры: 1) социогенного порядка; 2) идейно-политического характера; 3) международно-политического плана. Рассмотрим их по существу.

В социально-экономической сфере нарастают и отчетливо просматриваются острые проблемы.

1. Начавшийся в России после 2000 г. экономический рост был связан главным образом с благоприятной для страны конъюнктурой мирового рынка, позволившей получать резко возросшую нефтегазовую ренту, за счет которой государство смогло выполнять обязательства перед населением в рамках неформального социального контракта: «мы вам рост доходов, вы нам – неограниченные полномочия». При этом некоторые из заявленных проектов (например, догнать Португалию по уровню душевого дохода, создать 25 миллионов наукоёмких высокотехнологичных рабочих мест и т.п.) не были выполнены.

В настоящее время в обществе чрезвычайно высок уровень статусного и имущественного расслоения, воспринимаемый большинством граждан как противоречащий рациональным и этическим соображениям. Каналы вертикальной мобильности из более низких социальных статусов сужены, лифты вертикальной мобильности функционируют в основном для выходцев из элитарных слоев населения. Высший слой становится все более закрытым, просматривается тенденция его превращения в потомственный класс, каким он давно является в развитых странах. Резкая имущественная стратификация способствует его криминализации. Раскол между массовыми и элитными слоями общества генерирует перспективу масштабных социальных потрясений.

Внутриполитические и международные события последних лет негативно повлияли на социальное самочувствие граждан. У групп, не имеющих достойных доходов, обостряется психологическое состояние незащищенности и бесправия. В обществе растут настроения тревожной неопределенности и ностальгии по советскому прошлому. Часть граждан скептически настроено в отношении позитивных сценариев развития страны или уверено в приближении трудных времен. Воздействие на массовое сознание накопленных и

добавленных новых рисков (социального, экономического, техногенного, эпидемиологического характера) усугубила эпидемия пандемии коронавируса, породив в обществе атмосферу пессимизма и безысходности. Вышеперечисленные особенности психологии российского социума охватываются понятием «аномия» (буквально «без норм»), введенным в социологию одним из создателей этой науки французским ученым Э. Дюркгеймом.

В результате многолетний запрос на стабильность и сохранение в неизменном виде сложившейся социально-экономической и политической реальности сменяется запросом на перемены. Причем запрос на перемены, экономические и политические реформы в наибольшей степени соответствует интересам молодых образованных граждан, обеспокоенных закупоркой каналов социальной мобильности. Из протестных настроений, вызываемых нарушением прав граждан, зарождается будущее гражданское общество, из которого выйдут новые лидеры.

2. Значительные масштабы разрыва в уровнях развития и доходов субъектов страны стимулируют сепаратистские тенденции. Антимосковские настроения в регионах являются одной из доминант массового сознания, а недовольство сверхцентрализацией страны в национальных республиках оформляется в этнополитической плоскости. Классические противоречия индустриальной эпохи – между трудом и капиталом, в отношениях между центром и регионами остаются неразрешенными.

Разрыв между богатыми и бедными регионами России может увеличиться из-за пандемии в связи с тем, что отдаленные регионы, которые до недавнего времени могли рассчитывать на трансферы из центра, вынуждены больше занимать на рынке и из заимствований покрывать затраты на экономику, здравоохранение и другие социальные расходы.

3. Наряду с расслоением общества и разрывом в уровнях развития регионов «срезом» внутренней социальной неоднородности является многоукладность российского общества, одновременное существование в нем разных формаций, раскалывающее его по линии «Север-Юг». Различные части страны отличаются по уровню социально-экономического развития, находятся в разных временных эпохах – от периода родового строя, близкого к средневековой (в некоторых регионах Кавказа) до современного индустриального общества. Расколотасть российского общества, сочетающего архаику, индустриализм и постиндустриализм, представляет собой серьезное препятствие для развития страны.

4. Действующая рентная экономическая модель представляет собой «олигархический госкапитализм», характеризующийся монополизацией экономики отдельными физическими лицами и семьями. Сверхприбыли от эксплуатации сырьевых ресурсов лишали бизнес мотивации создавать инновационные производства, не гарантировавшие столь же быстрой и высокой отдачи. Самый влиятельный бенефициант создания сырьевой модели экономики – отечественная компрадорская буржуазия, у которой нет никаких стимулов для ее замены на альтернативную – инновационную.

Рентная модель экономики с авторитарным типом управления нуждается в гипертрофированной бюрократии, что неизбежно сопровождается ущербом для производства, образования, медицины и других сфер. Экономике России необходимо кардинальное преобразование, а именно — ее диверсификация, развитие новых технологий и создание инновационных товаров и услуг в противовес специализации на сырье, сокращение издержек и радикальное повышение производительности труда.

5. Если в начале 2000-х гг. Россия стала частью группы стран с быстро развивающейся экономикой, то с конца нулевых гг. наметилась устойчивая тенденция снижения темпов этого роста. Существующая в РФ сырьевая экономическая модель полностью себя исчерпала и не позволит повышать уровень жизни граждан, её консервация чревата дальнейшим, возможно, необратимым отставанием страны от динамично развивающихся государств и утратой позиций в мире. Для выхода страны на траекторию устойчивого развития необходимо выработать новую модель экономического роста, адекватную социально-экономическим вызовам.

6. Россия занимает периферийные позиции на глобальном рынке передовых производственных технологий и рискует отстать навсегда от технологических лидеров и прежде всего США, сохраняющих лидерские позиции на большинстве отдельных товарных рынков. Согласно докладу Высшей школы экономики, доля России на мировых рынках продукции с использованием перспективных производственных технологий не превышает 0,6%. Исключение составляют рынок ядерных технологий (у России наибольшая доля – 16,7% мирового рынка) и рынок вооружений (1,2%) [11].

7. Угрожающая ситуация для будущего России сложилась в связи с потерями человеческого капитала, вызванными высокой смертностью и низкой рождаемостью. По подсчетам членов Российской академии наук, убыль населения страны за 12 месяцев пандемии составила без малого миллион

человек. В рейтинге авторитетного научного журнала Lancet по состоянию здоровья населения, определяемого исходя из 33 показателей, Россия находится на 119 месте среди 187 стран. Отставание России по продолжительности жизни от «новых» стран ЕС, близких к ней по уровню экономического развития, увеличилось до 5 лет, а от «старых» стран ЕС – до 10 лет [12].

Одна из главных причин демографического кризиса на грани депопуляции кроется в деградации социальной сферы и прежде всего здравоохранения. Со всей остротой стоит вопрос о принятии экстраординарных мер для сбережения населения. На это обращено внимание в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. №400, где в числе долгосрочных интересов России на современном этапе указано на «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан» [13, ст. 25].

Миграционные потоки неквалифицированной рабочей силы в Россию из стран ближнего зарубежья лишь частично компенсируют убыль населения и сопряжены со значительными издержками. Они становятся фактором формирования консолидированных этнических сообществ, завоевывающих заметные позиции в экономической жизни страны и вызывающих социокультурную напряженность. Увеличение численности нелегальных мигрантов криминализирует общество-реципиент. В долгосрочной перспективе замещение убывающего российского населения трудовыми мигрантами способно радикально изменить принимающее общество, размывая национально-государственную идентичность страны.

8. Функционирующая «вертикаль власти» в плане осуществления внятной социально-экономической стратегии должным образом не учитывает интересы и настроения рядовых граждан, вызывая их отчуждение от государства. Устойчивая тенденция к снижению жизненного уровня в сочетании с сужением возможности к самореализации вызывает усиливающийся отток из страны экономически активного и высокообразованного населения («утечка мозгов»).

Россия – единственная из развитых стран, где несколько десятилетий подряд уменьшается количество ученых. Согласно данным Российской академии наук (РАН), с 1990 г., когда РФ занимала первое место в мире по этому показателю, количество исследователей уменьшилось с 992 тыс. до 348 тыс., т.е. на 65%. Ежегодный отток ученых и высококвалифицированных специалистов с 2012 г. по настоящее время увеличился в 5 раз – с 14 тыс. до почти 70 тыс. [14].

В идейно-политическом отношении сложилась крайне рискогенная ситуация, порождающая вызовы и угрозы безопасности страны.

1. В России пока не сформировалась единая государственно-гражданская идентичность, понимаемая как осознание гражданами своей принадлежности к социуму страны, отождествление себя с государственно-территориальным пространством, солидарность и ответственность за существующую в нем ситуацию. Без такой самоидентификации невозможна внятная внутренняя и тем более внешняя политика.

Общество дифференцировано не только по имущественным, но также и по этнонациональным, частично религиозным, кланово-тейповым и иным линиям размежевания. Характерной чертой российского общества стала расколотость индивидуального сознания, в котором сталкиваются европейские и неевропейские поведенческие установки, постсоветские и советские ориентиры, правовые и неправовые ценности. Нарастает риск столкновений между различными группами, усиления тенденций к дестабилизации страны. Властные структуры нередко отстаивают корыстные интересы олигархата и чиновничества, вызывая недовольство граждан.

Как и в СССР, в России нет четко очерченной, структурно оформленной оппозиции и политической конкуренции, что во многом связано с аморфностью социальной структуры общества. Дееспособная конструктивная оппозиция явилась бы важным фактором обеспечения баланса во властных отношениях, эффективного функционирования политической системы.

Поиск национально-государственной идентичности в новых условиях затрудняется атомизацией общества, дисперсностью взглядов граждан и чрезвычайной сложностью самой задачи, не имеющей очевидных и простых решений. Стране с постимперской и постсоветской ипостасью, констатирует отечественный ученый В.П. Лукин, «весьма непросто четко сформулировать и направить «городу и миру» внятное и убедительное послание о своей сущности и оптимальных путях ее реализации в окружающем мире» [15, с. 42].

Актуальность определения Россией своей идентичности, во многом деформированной в XX веке, возрастает в связи с формированием альянсов для конкуренции в новом технологическом цикле – техноэкономических блоков, обладающих такими обязательными атрибутами, как собственная модель развития, контролируемый значительный сегмент мирового рынка, валютная зона, а также набор ресурсов, технологий и научных компетенций. Наличие этих атрибутов способно обеспечить блокам независимость от других, по крайней мере, в таких областях, как оборона и суверенная инфраструктура. В

настоящее время просматривается перспектива складывания таких техноэкономических блоков вокруг США, Китая и Европейского Союза.

2. Не завершен процесс самоопределения России, понимаемый как выбор эффективной модели внутреннего устройства и нахождение оптимального места в мире. От определения ранга и статуса страны в глобальной расстановке сил зависит решение многих вопросов её развития – обеспечения безопасности, доступа к рынкам и ресурсам, импорта необходимых технологий.

Как известно, модель внутреннего устройства, сформировавшаяся в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (так называемых азиатских тиграх) отличается чрезвычайно эффективным использованием ресурсов собственной идентичности.

Предстоит сформировать модель интенсивного развития на основе синтеза лучших из российских ценностей (сильное государство, социальная справедливость, межнациональная толерантность, христианский гуманизм и др.), и выработать новый, приемлемый для России синтез с ценностями универсальными, общечеловеческими. Создание несравненно более мощного, чем имеющийся, экономического и научно-технического потенциала сделает страну привлекательной для сильных партнёров и позволит выйти из вакуума изоляции, обозначаемого термином «стратегическое одиночество».

3. Занимая географическое положение сердцевины Евразии и подвергаясь одновременному воздействию трёх цивилизаций – евроатлантической, китайской и исламской, Россия никогда не была всецело интегрирована в европейские социально-экономические процессы, всегда оставалась периферийной частью Европы, что создавало благодатную почву для мифов о её уникальности и особой миссии в мире. Концепция «несовместимости» России и Европы неизменно актуализировалась на переломных этапах истории страны, когда вставал вопрос о выборе пути развития. Естественно, что дискуссия о месте и роли России в мире обострилась в постсоветский период.

В продолжающейся полемике по вопросу о траекториях мирополитического развития России в международной среде – следовать ли в русле Запада, интегрироваться с Востоком или структурировать вокруг себя уникальную цивилизацию, развивающуюся по собственной логике, мы считаем оптимальным следующий подход: геополитически Россия – страна евразийская, а в этнокультурном, конфессиональном и, главное, ценностном плане – неотъемлемая, хотя и особая часть европейской цивилизации, её восточное продолжение. На европейском континенте проживает более 80% её населения и сосредоточена основная часть её экономического потенциала. Поэтому

национальные интересы России заключаются в выстраивании ее общественной жизни в соответствии с инвариантными чертами европейских обществ. На наш взгляд, именно такое видение российской идентичности позволит стране наиболее адекватно адаптироваться к глобальным трендам и ощутимо влиять на них.

Популярные в определенных российских кругах ссылки на успешность китайской модели и целесообразность её адаптации к России не должны вводить в заблуждение. Китай, как в свое время Южная Корея и ряд других азиатских стран, неизбежно достигнет стадии, когда дальнейшее развитие потребует демократических реформ. Уже сейчас китайские власти озабочены «вестернизацией» среднего класса страны и опасностью «гонконгского вируса».

Привлекательность китайской модели носит ограниченный характер, а имидж Китая является неоднозначным, а нередко негативным за исключением некоторых азиатских или африканских стран. На фоне недавней экономической стагнации, спровоцированной пандемией коронавируса, слухи по поводу роли Китая в её распространении вызвали критическое отношение к КНР со стороны значительной части мирового сообщества. В настоящее время Китай ведет поиск новой, интенсивной модели роста, ориентированной прежде всего на внутренний потребительский спрос и построение среднезажиточного общества.

Переориентация России на Восток ставит ряд важных вопросов общего характера – о продолжительности экономического подъёма Азии при одновременном ослаблении Запада и его последствиях, о способности привилегированных партнёров (Китай, Индия, Вьетнам) производить высокотехнологичную продукцию, критически необходимую России для перехода к инновационному типу развития.

Дискурс о месте России в мировой иерархии не должен заслонять собой такие остроактуальные проблемы, как сохранение целостности страны и её территории, развитие экономики и научно-технической сферы, повышение благосостояния народа, создание современной инфраструктуры. Уровень жизни населения будет зависеть не от достижения особого статуса страны в международных отношениях, а от гуманитарной безопасности, решения вековых проблем бедности части населения, неразвитости здравоохранения, нехватки жилья.

В международном плане действует комплекс факторов, создающих угрозу российской государственности.

1. За два десятилетия, прошедшие с начала рентной «энергосбытовой» эйфории, ресурсы, полученные страной от экспорта сырья, в значительной степени были истрачены для паразитирования части общества на нефтегазовых доходах, а не использованы для создания современной инфраструктуры и повышение конкурентоспособности страны. Провозглашенная в начале 2000-х гг. целью национальной стратегии страны задача модернизации, не решена и маргинализирована.

Россия интегрирована в мировую экономику прежде всего в качестве сырьевого придатка и в высокой степени зависит от импорта товаров первой необходимости – бытовой техники, медикаментов и т.д. Ее доля в ВВП мира в 2020 г. составляла 1,7% в то время как США – 24,8%, Китая – 17,4%, Еврозоны – 17,2%. По номиналу ВВП у России 11-е место в мире.¹¹

Инвестиционная привлекательность страны невелика как в силу коррупционно-бюрократических факторов, условий природной среды (неустойчивый климат, зона «рискованного земледелия»), так и дефицита квалифицированной рабочей силы. Зарубежный и отечественный капитал избегают долговременного инвестирования в экономику России и предпочитают более прибыльные вложения вне страны.

2. Нарастают вызовы и угрозы национальной безопасности России во внешнеполитической сфере. Её противостояние с Западом по ряду параметров обладает признаками холодной войны с увеличивающейся вероятностью конфронтационного сценария.

Повышение мировой значимости Китая создает для России опасность оказаться в неприемлемой для себя роли «ведомого» партнера, утратить позиции в региональных сферах своего влияния, особенно в Средней Азии. В глобальной стратегии КНР, ориентированной прежде всего на доступ к сырьевым ресурсам, России отводится роль прежде всего поставщика сырья.

При обострении противоречий Китая с соседями по региону или отношений с Соединенными Штатами Россия может оказаться втянутой в конфликт, создающий угрозу её безопасности. Смещение вектора внешней политики в сторону Китая противоречит российским культурным ориентирам и способно усложнить формирование национально-государственной идентичности.

¹¹ Данные по статье: Миркин Я. Россия в глобальной политике. Финансовой // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. №6. С. 245-254. [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossia-v-fin-politike/> (дата обращения 01.12.2021).

Mirkin Ya. *Rossiya v global'noĭ politike. Finansovoi*. [Russia in global politics. Financial]. Russia in global politics, 2021, V.19, No. 6., pp. 245-254. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossia-v-fin-politike/> (accessed 01.12.2021). doi: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-245-254.

3. У страны есть ненадежные ситуативные попутчики, но нет союзнических связей, основывающихся на общности идеологических и политических позиций. Российская внутренняя и внешняя политика нередко сохраняет явственный отпечаток характерной для прошлого авторитарно-имперской традиции, настораживающей потенциальных партнеров по союзам и коалициям.

Функционирующий под эгидой России Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в настоящее время является малоэффективным интеграционным образованием, лишённым видимых перспектив для решения поставленных перед ним задач. Возглавляемая Россией Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), включающая шесть республик бывшего СССР, существует более двух десятилетий и так и не стала интегрированной военной организацией. Более того, все номинальные союзники России официально провозглашают многовекторность и постоянно балансируют между глобальными и региональными центрами силы современного мира.

Реалии постсоветского пространства и действительные потребности российской внешней и военной политики одновременно позволяют и требуют создания гибкой системы партнёрств, обеспечивающей защиту и продвижение национальных интересов. Интеграционная структура БРИКС, куда наряду с Бразилией, Индией, Китаем и Южно-Африканской республикой входит и Россия, является скорее противостоящим Западу «клубом по интересам», чем союзом, добивающимся общих целей. Объединить «Незапад» вокруг себя Россия, скорее всего, не сможет – нет ни идей, ни ресурсов.

При выстраивании российского внешнеполитического курса в отношении ЕС делается акцент на равенстве сторон, что предполагает необходимость видеть в РФ самостоятельный центр мировой политики. Неясным остается вопрос о том, как именно трактовать равенство.

Неопределенность и нестабильность окружения России затрудняет выстраивание с кем-либо отношений на длительную перспективу. Сложившаяся ситуация затрудняет, если вообще делает возможным, выполнение любых договоренностей – юридических и неформальных.

Таким образом, после развала мировой системы социализма (даже при наличии Союза Независимых Государств и единственного союзника – Белоруссии) Россия так и не обрела собственного места в структуре мира, состоящего из разных цивилизационных и социально-политических образований, имеющих свои нормы существования и системы ценностей. Она уступает другим великим державам по экономическому, научно-техническому

потенциалу, масштабам и надежности партнерских отношений за рубежом. Ее геополитическое положение весьма уязвимо.

4. К началу третьего десятилетия XXI в. Россия оказалась перед дилеммой: продолжать дорогостоящие попытки обеспечить статус сверхдержавы, или сконцентрировать усилия на внутренних преобразованиях для обретения страной статуса одного из ключевых акторов на международной арене. Облик России как развитой страны со стабильным общественным устройством и эффективной экономикой не только способствовал бы повышению её престижа, укреплению позиций в мире, но и интеграции в сообщество ведущих центров силы, откуда могут быть получены капитал, высокие технологии и современная организация производства. Без осовременивания российского общества невозможно создать предпосылки для успешного участия в международном разделении труда.

Опросы, проводимые в ходе исследования общественного мнения, со всей определенностью фиксируют стремление большинства россиян усилить позиции России в мире и вернуть её в число мировых лидеров путем решения внутренних проблем, прежде всего создания конкурентной экономики и обеспечения благосостояния граждан. При этом опрошиваемые проявляют реализм в оценке нынешних возможностей России и высказываются за их соотнесение с теми целями, которые она себе ставит. Относя Россию к числу мировых лидеров, большинство респондентов осознает несопоставимость её потенциала с тем, каким обладала сверхдержава СССР [16, 17].

5. В обстановке обостряющегося геополитического соперничества и взаимозависимости между двумя наиболее мощными центрами силы современного мира – США и Китаем оптимальная стратегия России, на наш взгляд, должна состоять, во-первых, в сохранении самостоятельности как от Запада, так и от Китая; во-вторых, в максимальной прагматизации внешней политики для укрепления своих позиций на обоих направлениях сотрудничества; в-третьих, в налаживании сбалансированных отношений с Индией, Японией и государствами Юго-Восточной Азии; в-четвертых, в позиционировании России в качестве лидера государств, не приемлющих ни американской, ни китайской гегемонии и стремящихся к самостоятельному развитию, по выражению отечественного эксперта Д.В. Сулова, своеобразного «гаранта нового неприсоединения» [18]. Россия могла бы играть роль цивилизационного моста между ведущими центрами силы – США, Европой и Китаем.

Для извлечения Россией максимума выгод из непосредственного соседства

с динамичными экономиками Азии необходима «двойная интеграция» – востока страны в общероссийское пространство и самой страны в целом – через её восточные регионы – в АТР. Должно учитываться, что главная угроза безопасности страны сейчас определяется тем обстоятельством, что её экономически наиболее депрессивная часть физически соприкасается с самой динамичной частью мира. Чтобы избежать превращения в придаток китайской экономики и экономического полуассала Китая России необходимо сконцентрировать усилия на развитии своих дальневосточных территорий.

В условиях нарастающей геополитической напряженности внешняя политика РФ «...должна способствовать повышению устойчивости системы международных отношений, опирающейся на международное право, принципы всеобщей, равной и неделимой безопасности, углублению многостороннего взаимодействия без разделительных линий и блоковых подходов в целях совместного решения глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) и ее Совета Безопасности» [13, ст. 9].

Преодолению конфронтационности и формированию нового качества в отношениях между ядерными державами могла бы способствовать реализация неоднократно высказывавшейся идеи проведения трехстороннего форума по проблемам мироустройства и миропорядка. В качестве важной меры для достижения этой цели отечественными экспертами С.А. Карагановым и Д.В. Суловым предлагается запуск в треугольнике Россия-США-Китай комплекса концептуально-стратегических диалогов по фундаментальным вопросам стратегической стабильности, не ориентированных на достижение быстрых договорённостей. Это качество, по мнению экспертов, должно заключаться прежде всего в однозначном и недвусмысленном принятии всеми тремя странами принципа недопустимости войны друг с другом – не только ядерной, а любой разновидности военного конфликта, и важности его скорейшего прекращения и деэскалации, если это все же произойдет в дальнейшем. К участию в этих диалогах целесообразно привлечение и других ядерных стран – Индии, Пакистана, Франции, Великобритании, Израиля, а в перспективе и Северной Кореи [19, с. 49, 52].

6. По мере завершения острой фазы соперничества между Россией и Западом актуализируется проблема восстановления доверия и создания условий для конструктивного сотрудничества. Для обеспечения России достойного места и роли на новом этапе мирового развития предстоит в максимальной степени задействовать фактор умной силы не только

для продвижения собственной повестки дня, но и для превращения в активного участника выработки правил будущего миропорядка.

В условиях начавшегося процесса формирования альянсов для конкуренции в новом технологическом цикле России, видимо, следует стремиться к расширению доступа к пользовательским данным других стран и прежде всего к стратегическому партнёрству с ЕС в деле создания «единой цифровой Евразии от Атлантики до Владивостока». Цифровая повестка дня может способствовать перезагрузке отношений России и ЕС, постановке их в новый контекст развития континента.

Вместе с тем при накопившихся между РФ и Евросоюзом противоречиях возобновление полномасштабного сотрудничества уже в обозримом будущем едва ли осуществимо. Однако там, где их интересы независимо от мотивации совпадают, возможно избирательное взаимодействие по конкретным вопросам, не затрагивающее экзистенциальных проблем отношений.

В рамках этого сценария возможно и необходимо налаживание многостороннего взаимодействия с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая их участие в развитии отдельных территорий и отраслей экономики Российской Федерации. Однако в долгосрочном плане сотрудничество с Китаем и другими странами АТР не должно стать альтернативой интеграции с Европой.

В более длительной перспективе России придётся выбирать между особым «евразийским путём» развития или на основе важных объективных интересов стать на путь реального сближения с Евросоюзом, включения в процессы евроинтеграции во всех сферах жизни. Китай в настоящее время не в состоянии быть альтернативой Западу в качестве источника инвестиций и передовых технологий, необходимых для модернизации и диверсификации российской экономики.

При несомненной, с нашей точки зрения, императивности для России европейской ориентации в меняющемся мире заслуживает внимания вопрос о вероятном облике Европы (или европейского населения) через несколько десятилетий, особенно в связи с опасностью для общественной стабильности, вызываемой мультинациональной и мультиконфессиональной природой европейского общества, миграционными процессами и возможной реакцией на них националистических, расистских сил коренного населения. Проблемами для будущности Евросоюза является сокращение его доли и роли в мировой экономике, усиление центробежных тенденций, которое едва ли перерастет в распад интеграционного объединения, но способно существенно ослабить его.

Негативные тенденции в функционировании Евросоюза не умаляют имеющиеся успехи, достигнутые благодаря региональной интеграции. В ЕС существуют динамичные инклюзивные общества, высокоразвитые экономики и системы социальной защиты, обеспечивающие высокое качество жизни. Страны ЕС обрели многолетний опыт делегирования суверенитета и управления взаимозависимостью с целью успешного использования глобализации и минимизации создаваемых ею рисков. В среднесрочной перспективе наиболее вероятным путем выхода Евросоюза из кризисных процессов может явиться его трансформация на основе стратегии гибкой интеграции, скорее всего в варианте развития системы «ядра и периферии».

Заключение

Вышеизложенное, на наш взгляд, дает основания для следующих обобщений.

Нерешенность таких проблем, как экономическая стагнация, технологическое отставание, бедность значительной части населения предопределяет дефицит привлекательности страны для мирового сообщества и ограничивает потенциал внешнеполитического влияния в качестве центра силы.

Рассмотренные характеристики дисфункциональности российского социума препятствуют его адаптации к новым глобальным реалиям, нейтрализации существующих и возникающих вызовов. Они являются тормозом для утверждения самодостаточности общества, понимаемой как свойство сложной социальной системы, проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [20].

Россия в настоящее время не может быть отнесена к числу современных обществ развитого модерна, наращивающих творческий потенциал. В случае накопления изменений деструктивного характера российское общество постепенно может трансформироваться в демодернизирующееся общество «всеобщего риска», воскрешающее социальные и политические паттерны минувших веков (местничество, кормление, откупы, сословные привилегии, nepoтизм, опричнина, новое дворянство).

Сложилось явное противоречие между объективной потребностью российского общества в реформировании и субъективной неготовностью к нему. Существующие проблемы являются источником вызовов и угроз,

синергетическое действие которых способно стать причиной катастрофы российской государственности.

Перед Россией стоят задачи гигантской сложности и экзистенциального характера – преодолеть негативную социальную динамику, обрести себя в качестве великой державы, оказывающей возрастающее влияние на глобальные процессы. Предстоит адекватно адаптироваться к формирующемуся полицентрическому и одновременно иерархическому миру, в котором резко усилится конкуренция стран и регионов, будут динамично меняться поля совпадающих интересов, противоречий и конфликтов.

Для обеспечения национальной безопасности необходимо иметь четкое представление о перспективах мирового развития, вызовах и угрозах ближайших десятилетий.